

ХОЛМСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ безплатнымъ прибавленіемъ: «Холмскій Народный Листокъ». Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересыл. по 25.

Адресъ редакціи. Г. Холмъ губери. Духовная Семинарія. Плата за объявленія: за 1 страницу — 4 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 2 р. 25 к. за строку — 15 к. Многократн. объявл. по соглашенію.

Въ присылаемыхъ статьяхъ редакція оставляетъ за собой право дѣлать измѣненія и сокращенія. За храненіе рукописей редакція не отвѣчаетъ и за свой счетъ обратно ихъ не высылаетъ.

Подъ Твою милость

привѣтаемъ, Богородице Дѣво.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, слѣдуетъ писать четко и разборчиво.

Рукописи безъ заявленія о гонорарѣ считаются безплатными.

№ 2.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 2.

Епархіальныя извѣстія и распоряженія.

О перемѣнахъ по службѣ.

Назначены: священникъ Волынской епархіи Филимонъ *Антиповичъ* — настоятелемъ Куликской церкви, Холмскаго уѣзда, съ 1 января; священникъ Радочницкаго женскаго монастыря Іоаннъ *Теодоровичъ* — настоятелемъ Мягковской церкви, Грубешовскаго уѣзда, съ 1 января; священникъ на вакансіи псаломщика при Вировскомъ женскомъ монастырѣ Петръ *Стружъ* — на вакансію 3-го священника при Радочницкомъ женскомъ мона-

стырѣ съ 1 января; протоіерей Духосошестввенской церкви гор. Саратова, магистръ Богословія Александръ *Прозоровскій*—настоятелемъ Люблинскаго Кресто-Воздвиженскаго собора съ 1 января.

Перемѣнены: настоятель Колебродской церкви, Радинскаго уѣзда, священникъ Антоній *Возній*—для пользы службы—настоятелемъ Любичской церкви, Влодавскаго уѣзда, съ 1 января; настоятель Жулицкой церкви, Томашовскаго уѣзда, священникъ Григорій *Крейдичъ*—согласно прошенію настоятелемъ Колебродской церкви, Радинскаго уѣзда, съ 1 января; настоятель Городыщенской церкви, Влодавскаго уѣзда, священникъ Стефанъ *Новосельскій*—настоятелемъ Воскреницкой церкви, Бѣльскаго уѣзда, съ 1 января.

Утверждены: въ должности церковнаго старосты: къ Вишневецкой церкви, Грубешовскаго уѣзда, крестьянинъ Стефанъ *Гаврилюкъ*—на первое трехлѣтіе; къ Радостовской церкви, приписной къ Вишневецкому приходу, Грубешовскаго уѣзда, крестьянинъ Игнатій *Свитлюкъ*; къ Угрусской церкви, Влодавскаго уѣзда, крестьянинъ Косма *Хвыць*—на десятое трехлѣтіе.

Уволсны: настоятель Мягковской церкви, Грубешовскаго уѣзда, протоіерей Іоаннъ *Макаръ*—за штатъ съ 1 января.

Умершіе: псаломщикъ Цыповской церкви, Холмскаго уѣзда, Викторъ *Добрынинъ* 22 декабря 1913 года.

Отъ Холмской Духовной Консистоіи духовенству Холмской епархіи къ свѣдѣнію и должному исполненію.

19 февраля 1914 года истекаетъ полѣтка со дня вослѣдованія ВЫСОЧАЙШИХЪ указовъ 19 февраля 1864 года объ устройствѣ крестьянскаго быта въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго. Означенными актами Державной Воли было положено прочное основаніе хозяйственному устройству крестьянъ названныхъ губерній. По словамъ ВЫСОЧАЙШАГО указа, день 19 февраля 1864 года долженъ оставаться вѣчно памятнымъ крестьянамъ Царства, какъ день, положившій начало ихъ благосостоянію. Полагая, что 50-лѣтняя годовщина столь знаменательнаго дня, бывшаго предвѣстникомъ общаго преуспѣянія и благоден-

ствія польскихъ крестьянъ, должна быть отмѣчена высокаторжественнымъ праздникомъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ испросилъ ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволеніе на празднованіе 50-лѣтняго юбилея крестьянской реформы въ Привислинскомъ краѣ. Затѣмъ при Варшавскомъ Генераль-Губернаторскомъ Управленіи была образована, при участіи представителей Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Народнаго Просвѣщенія, особая комиссія для выработки программы чествованія означеннаго юбилея. Въ составленной этой комиссіей программѣ, одобренной Генераль-Адъютантомъ Скалономъ, между прочимъ, имѣется предположеніе испросить благословеніе Святѣйшаго Синода на совершеніе 18 февраля 1914 года во всѣхъ православныхъ храмахъ Варшавской и Холмской епархіи заупокойнаго богослуженія по въ Бозѣ почившемъ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ II и усопшимъ ближайшимъ сподвижникамъ его въ дѣлѣ крестьянской реформы, а въ день 19 февраля 1914 года торжественныхъ богослуженій и молебствія за Царствующій Домъ.

Принявъ во вниманіе, что 18 и 19 февраля выпадаютъ въ 1914 году на вторникъ и среду первой седмицы Великаго поста, когда по церковному уставу не положено совершать никакихъ торжественныхъ служеній, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: сдѣлать распоряженіе, чтобы церковныя службы, предположенныя по случаю празднованія 50-лѣтія крестьянской реформы въ Привислинскомъ краѣ, были совершены—заупокойныя богослуженія по въ Бозѣ почившемъ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ II и усопшимъ ближайшимъ сподвижникамъ его въ дѣлѣ означенной реформы 15 февраля, а торжественныя богослуженія и молебствія за Царствующій Домъ 16 февраля.

Согласно резолюціямъ Его Высокопреосвященства, отъ 15 и 30 дек. 1913 года за № № 8810 и 8991, избранныя Святѣйшимъ Синодомъ юбилейные дни (15 и 16 февраля 1914 г.) должны сопровождаться торжественными богослуженіями, пастырскими поученіями и устройствомъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ съ народомъ объ этомъ историческомъ событіи. Къ празднова-

нію должны быть привлечены и духовно учебныя заведенія и церковныя школы, въ которыхъ эти знаменательные дни должны быть отмѣчены устройствомъ бесѣдъ, чтеній, школьныхъ праздниковъ.

ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ НАСЪ.

(Къ вопросу о борьбѣ съ социализмомъ).

Социализмъ растетъ въ народѣ не потому, что народъ бѣднѣетъ, и не потому, что онъ внѣшне не просвѣщенъ, но единственно по той причинѣ, что въ немъ распались крѣпкія понятія о Богѣ и о Его высшей правдѣ.

Народъ не усвоилъ себѣ христіанства во всей его полнотѣ и глубинѣ, но во многихъ уголкахъ души своей остался язычникомъ. Прежде всего народъ не почувствовалъ и не понялъ смысла и духовной красоты Христовыхъ страданій, могучей силы самоотверженія, неизмѣнной правды Промысла Божія.

Жизнь есть борьба Агнца Божія съ сатаной, христіанства — съ антихристомъ.

Средоточный пунктъ исторіи человѣчества есть грѣхъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, въ его борьбѣ со всемогущею благодатію Божіею, уважающею свободу твари. Поникла вѣра, засорились лучшія начала души человѣческой, — и грѣхъ расцвѣлъ въ человѣчествѣ пышнымъ цвѣтомъ.

Христіанство не дошло до реального осуществленія на землѣ Царства Божія (не въ смыслѣ хилиастическомъ, но въ формахъ первохристіанства), ибо свобода человѣчества избрала зло вмѣсто добраго, отреклась отъ Христа и поклонилась сатанѣ.

Спасеніе народа отъ увлеченія социализмомъ — не въ суетномъ знаніи, ибо видимъ, что образованная интеллигенція почти сплошь матеріалистична. Главные адепты революціонныхъ ученій — люди образованные. Они освящаютъ дѣйствія бомбистовъ, убійць изъ-за угла, и усиливаютъ нравственную анархію въ мірѣ.

Великая Божественная идея заключается въ томъ, что міръ спасенъ не наукой, не искусствомъ, не магіей, не военнымъ и государственнымъ гениемъ, но Божіею силою черезъ простецовъ-Апостоловъ. — „Мерзость предъ Господемъ всякъ высокосердый. Ибо вотъ Господь — на все высокое и превознесенное, на все гордое и превыспреннее *предъ собою* разумное“ (Исаія).

Въ глубинахъ масонства, выросшаго на почвѣ просвѣщеннаго европейскаго гуманизма, совершаются ужасающія преступленія, предъ которыми блѣднѣетъ даже эпоха варварства.

Спасеніе и не въ борьбѣ съ социализмомъ посредствомъ коопераций, кредитныхъ товариществъ и проч., хотя это можетъ ослабить остроту опасности, въ чемъ мы наглядно убѣждаемся изъ книги В. К. Саблера „О мирной борьбѣ съ социализмомъ“.

Плохъ тотъ христіанинъ, который остается въ Церкви не ради Христа, а ради дешеваго кредита и потребительской лавки. Это—лицемѣръ, волкъ въ шкурѣ овечьей.

Спасеніе—въ *осуществленіи* завѣтовъ Евангелія, въ проникновеніи всей жизни духомъ Христа и свѣтомъ Его благого образа.—„Царствіе Божіе внутри насъ“. Надо вернуться ко временамъ подвижничества, умиленныхъ цѣлоношныхъ моленій въ благодатномъ сумракѣ храма, напоминающаго катакомбы. Для возрожденнаго знаніемъ истины и подвигомъ жизни человѣка буквально ничего не нужно, кромѣ Христа Спасителя и Его небесныхъ обителей. Пламенное алканіе жизни вѣчной, твердая надежда на радость воскресенія и милость Божію на страшномъ судѣ—вотъ вся отрада, все счастье, весь смыслъ жизни христіанина. Кто живетъ и мыслить не такъ, тотъ лжець и обманщикъ.

Присмотримся теперь поближе къ современному намъ поколѣнію народа и скажемъ по совѣсти: христіанскій ли это народъ, облекся ли онъ во Христа послѣ крещенія?

Пьянство, развратъ,—развратъ грубый, потерявшій даже тѣнь стыда и память о Божьемъ наказаніи, воровство, лѣнь, дерзость, хулиганство,—вотъ правдивый обликъ особенно молодого поколѣнія деревни. Среди взрослыхъ крестьянъ обоюго пола, правда, часто попадаются *христіане* дивной нравственной красоты и величія, предъ которыми хочется преклониться, какъ предъ святыней. Но кто же сдѣлалъ ихъ такими?—Страданіе. Да, да, именно страданіе: татарщина, панщина, злая мачеха—незадачливая жизнь, бѣдность, тяжелый, подневольный трудъ.

Не даромъ христіанство въ античномъ мірѣ считалось религіею рабовъ. Христось, бѣдный, униженный и страждущій, ближе всегда къ сердцамъ, разбитымъ жизнью, изстрадавшимся, потерявшимъ всѣ мірскія упованія, кромѣ вѣчной надежды на радость Божію среди наслѣдниковъ Христа, распятаго на Голгоѣѣ.

По понятію истиннаго христіанства, страданіе есть добро, высшій даръ Божіей любви. „Кого Богъ любитъ, того и наказываетъ“. Есть поучительно-трогательный рассказъ о томъ, какъ отвѣтилъ Господь на молитву одного праведника.—Господи,—молился онъ,—пошли мнѣ то, что для меня—наибольшее благо“. И на слѣдующій день у праведника умеръ любимый ребенокъ.

Мы не хотимъ понять, что судьбы Божіи—*бездна многа*, и что какъ востокъ отстоитъ отъ запада, такъ разнится безконечный разумъ Божій отъ ограниченаго ума человѣка. Тамъ, гдѣ мы видимъ зло и несчастье, Высшая Воля усматриваетъ одно добро и благоволеніе.

Человѣкъ палъ чувственностью и гордыней. Спасеніе его, поэтому, заключается только въ смиреніи и самоотреченіи. „Кто хочетъ быть моимъ ученикомъ, тотъ возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“. Это понялъ великій Достоевскій, когда сблизился съ народомъ на каторгѣ, въ тяжелой работѣ. Это понимаютъ и всѣ, чья жизнь не сладка, полна ударовъ и испытаній, омрачена болѣзнями и скорбями.

„Не надѣйтесь на князи и на сыны человѣческіе“; невозможно спасти міръ человѣческими средствами, какъ бы они сильны и красивы ни были. *Спасаетъ только Христосъ—въ тайнѣ очистительнаго и возрождающаго душу страданія.*

Вся современная цивилизація,—гордая, напыщенная, развратная,—не способна водворить миръ и благоволеніе въ людяхъ. Надъ нею стоятъ уже грозныя Божьи письма: „мене, текель, пересь“. Божьимъ громомъ звучать надъ суетнымъ міромъ вдохновенныя слова поэта-христіанина:

„Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Гнусной суеты земной—
Для тебя, земли царица,
День придетъ,—и близокъ онъ!—
Блескъ твой, злато, багряница
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать“...

(А. С. Хомяковъ).

Избранниковъ Своихъ Господь всегда ведетъ въ Свои обители узкимъ и тѣснымъ путемъ скорбей и испытаній. Авраамъ, только-что откликнувшійся на Божій призывъ, терпитъ разлуку

съ родиной и съ домомъ отца. Имѣя Божественныя обѣтованія о Спасителѣ міра, онъ почти всю жизнь остается безчаднымъ; когда-же единственный сынъ, вся его радость и надежда старости, вырастаетъ, — ему повелѣвается Богомъ принести его въ жертву. Моисей много лѣтъ скитается въ пустынѣ. Народъ израильскій, прежде чѣмъ наслѣдовать обѣтованную землю, нѣсколько лѣтъ испытывается Господомъ въ пустынѣ, — терпитъ и холодъ и голодь, нападенія вражескихъ племенъ, и „гробы похотѣнія“, и укушенія гадовъ... Статуя, прежде чѣмъ украсить своею художественною формою портикъ дома, долго обрабатывается рукою художника. Главный врагъ челоуѣка — его закоснѣлая грѣховность. Главный-же врагъ грѣха есть терпѣливое страданіе, соединенное съ крѣпкимъ упованіемъ на радость вѣчную у Господа силъ. Поэтому — сытая и безпечная жизнь является для христіанина „сѣтью“ и погибелью, ибо „трудно богатому войти въ Царствіе Божіе“.

Христіанинъ не можетъ завидовать земному богатству. Напротивъ: онъ искренно *жалится* всякаго богача, какъ больного сребролюбіемъ, мѣняющаго вѣчныя и святыя блага на прахъ земной, мимотекущей. Возможно-ли при такомъ настроеніи увлеченіе социализмомъ? Вѣдь бѣдность, скорби, страданіе есть для истинно-вѣрующихъ печать избранничества Божія, гласъ безпредѣльной любви Господа, призывающаго вѣрнаго раба въ Свои объятія. Страданіе имѣетъ эмблему божественности въ знаменіи Креста Господня. Израиль растолстѣлъ, разжирѣлъ и забылъ Господа, сотворшаго его“ (Исаія). Нищій Лазарь, гнойный и въ струпьяхъ, безконечно ближе къ Богу, чѣмъ свѣтло веселящійся богачъ.

Въ чемъ-же спасеніе народа отъ социализма? — Въ смиреніи, въ любви къ бѣдности, къ тяжелому труду, въ усердной, пламенной молитвѣ и самоотреченіи, въ возвращеніи къ идеаламъ первохристіанства. И, конечно, яркій примѣръ этого должны дать народу полные любви пастыри церкви.

Безплоденъ всякій духъ гордыни,

Невѣрно злато, сталь хрупка;

Но крѣпокъ ясный міръ святыни,

Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,

Что въ чувствѣ дѣтской простоты,

Въ молчаньи сердца сокровенна,

Глаголь Творца пріяла ты.

Тебѣ Онъ далъ свое призванье,

Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и честныхъ дѣлъ:
Хранить племень святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты Духа Жизни вступи!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь въ славу ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ:
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ“!
(А. С. Хомяковъ).
Вотъ—Путь, Истина и Жизнь!

Свящ. С. К.

НАУКА И СМІРЕНІЕ.

(Къ оцѣнкѣ новогоднихъ настроеній).

Какъ послѣ похоронъ мертвеца обычно начинаютъ подводить итоги его жизни, такъ и теперь, на грани времени, начинаютъ подводить итоги прошедшаго года...

И изъ года въ годъ дѣлается обычно одинъ и тотъ же выводъ, что человѣчество своей мыслью двинулось впередъ, что оно сдѣлало важный шагъ по пути прогресса и каждый годъ на почвѣ этихъ выводовъ все выше и выше строится Вавилонская башня человѣческой гордости.

Нерѣдко во имя успѣховъ науки бросаются упреки, даже оскорбленія и матери христіанскихъ добродѣтелей—смиренію. Говорятъ, что смиреніе неестественно, противно нашему вѣку съ его необычайными успѣхами въ области науки, съ его безконечными изобрѣтеніями, что это добродѣтель не свободныхъ людей 20 вѣка.

Но справедливы ли эти и подобныя разсужденія? Дѣйствительно ли они связаны съ существомъ науки, изъ него вырастаютъ и на немъ зиждутся? Не есть ли это вмѣсто итоговъ науки, простой выводъ гордаго сердца? Не вѣрнѣе ли будетъ существо науки связать со смиреніемъ? Не вернѣе ли будетъ ея эмблемой взять скромнаго мудреца Эллады, говорившаго—«я знаю только то, что ничего не знаю?»...

Обратимся къ самой наукѣ. Что даетъ она намъ въ этомъ случаѣ?...

— Даетъ слишкомъ много... Даетъ все, для того, чтобы воспитать въ человѣкѣ смиреніе и слишкомъ мало, чтобы питать гордость... Даетъ все, чтобы сказать, что въ наукѣ господствуетъ смиреніе, что оно сродно ея существу, а не гордость.

Въ 1876 году въ Лейпцигской клиникѣ находился больной, связанный съ внѣшнимъ міромъ только правымъ глазомъ и лѣвымъ ухомъ. Какъ только ему ихъ закрывали, онъ погружался въ сонъ, отъ котораго пробудить его можно было только крикомъ надъ лѣвымъ ухомъ или дѣйствіемъ свѣта на правый глазъ¹⁾.

Мы ужасаемся, читая описаніе состоянія этого человѣка. Мы жалѣемъ его. Но въ извѣстномъ смыслѣ, вѣдь, и каждый изъ насъ и всѣ мы вмѣстѣ похожи на него...

Это говоритъ намъ наука, та самая наука, въ которой хотятъ видѣть источникъ и обоснованіе гордости!

Наука изучила познавательный процессъ. Она установила, что познаніе внѣшняго міра возможно чрезъ ошущеніе. Ошущеніе получается человѣкомъ лишь чрезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ, отъ которыхъ, слѣдовательно, и находятся въ зависимости знанія человѣка о видимомъ мірѣ... Они, по мѣткому выраженію одного ученаго, «падаютъ въ умъ человѣка, только пройдя ворота чувствъ»²⁾.

¹⁾ Archiv s. d. ges. Pbsiologie XV, 573.

²⁾ Bettex—«Наука и Библия»—обработка Н. И. Иванова. С.-Петербург. 1905 г., стр. 133.

Но наука изучила и эти «ворота» и показала, что слишком ничтожны онѣ, что ихъ правильнѣе было бы назвать маленькой калиточкой, затерявшейся въ безконечно огромномъ заборникѣ, или, еще вѣрнѣе,—маленькой трещиной на безконечной ширѣ ледниковъ сѣвернаго океана.

Наука показала, какъ грубы, несовершенны самыя совершеннѣйшія изъ нашихъ чувствъ—зрѣніе и слухъ. «Глазъ можно сравнять съ роялемъ, клавиатура котораго имѣетъ лишь одну октаву. Отъ ультрафіолетоваго цвѣта до крайнихъ предѣловъ спектра можно насчитать до 9 октавъ свѣтовыхъ колебаній; изъ нихъ при помощи нашихъ природныхъ чувствъ намъ доступна лишь одна октава». ¹⁾ «Ухо слышитъ, и то довольно плохо, одиннадцать октавъ (по Гельмгольцу), тогда какъ физика утверждаетъ, что этихъ октавъ должно существовать тысячи». ²⁾

Если таковы лучшія изъ нашихъ чувствъ, то объ остальныхъ нечего даже и говорить.

Гдѣ же здѣсь основа для гордости, если все ограниченность... несовершенство?! Развѣ можетъ гордиться высотой полета тотъ, кто прикованъ къ землѣ? Развѣ можетъ гордиться важностью своихъ познаній о мірѣ тотъ, кто «живетъ въ этомъ мірѣ, подобно разорившемуся князю, принужденному проводить время въ маленькой комнаткѣ огромнаго дворца, который не знаетъ даже всѣхъ его залъ и галлерей». ³⁾ Развѣ все это зоветъ къ гордости, а не къ матери христіанскихъ добродѣтелей?!

Но вотъ, кажется, готовъ отправной пунктъ и для роста человѣческой гордости. Наука, показавши несовершенство, даже и совершеннѣйшихъ чувствъ, не остановилась на этомъ. И вотъ она обрабатывая дѣйствительностью разсудка показанія несовершенныхъ органовъ чувствъ, строитъ на этомъ основаніи сотни приборовъ, инструментовъ и т. п. И каждый изъ этихъ приборовъ усовершенствуетъ наши природныя чувства.

Вотъ кажется, основаніе, опора для человѣческой гордости! Вотъ, кажется, явное пораженіе человѣческаго смиренія!!

¹⁾ Снайтеръ—стр. 178. «Картина міра въ свѣтѣ совер. естеств. знанія, перев. подъ редакц. Проф. В. Завьялова. Одесса, 1909 г.

²⁾ Op. cit. Bettex'a—стр. 135.

³⁾ Op. cit. Bettex'a—стр. 135.

Ухо слышитъ лишь ничтожную часть звуковъ. Но вотъ изобрѣтенъ человѣческой мыслью микрофонъ и мы слышимъ шаги мухи столь же ясно, какъ топотъ кавалеріи... Наше температурное чувство улавливаетъ разницу въ температурѣ, если она только не меньше 45 доли градуса. Проф. Ланглеемъ изобрѣтенъ болометръ—онъ улавливаетъ уже разницу въ миллионную долю градуса—т. е. онъ въ 200000 разъ чувствительнѣе нашей кожи. Мы при всѣхъ нашихъ усиляхъ никакъ не можемъ насчитать въ секунду болѣе десяти,—но проф. Федерсенъ построилъ аппаратъ, отмѣчающій стомилліонныя доли секунды, — слѣдовательно считающій въ секунду до 100,000,000.

Развѣ все это не основанія для того, чтобы, гордо поднявши голову, сказать... «на небо взойду... буду подобенъ Всевышнему»!

Но такъ только кажется на первый взглядъ... Таково только первое впечатлѣніе—впечатлѣніе не отъ цѣлаго, а отъ ничтожной частички. Если же взглянуть на всѣ эти успѣхи въ цѣломъ, если присмотрѣться къ нимъ по внимательнѣе, поглубже, то впечатлѣніе совершенно перемѣнится. И не призывомъ къ гордости и превозношенію зазвучатъ въ нашихъ ушахъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, но призывомъ къ смиренію, къ матери христіанскихъ добродѣтелей...

Вдумайтесь, что, въ самомъ дѣлѣ, узналъ человѣкъ при посредствѣ всѣхъ этихъ безчисленныхъ инструментовъ и приборовъ -- то-ли, что онъ силенъ познать видимый міръ или то, что онъ безсиленъ въ этомъ? То-ли, что онъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Лаландомъ, — «я осмотрѣлъ весь міръ» или же то, что онъ можетъ вмѣстѣ съ великимъ Ньютономъ сравнивать себя лишь съ играющимъ на берегу ребенкомъ, предъ которымъ разстилается безграничный, невѣдомый для него, океанъ истины и говорить вмѣстѣ съ Лапласомъ: — «мы знаемъ лишь очень немного, а то, что мы не знаемъ — безгранично»?

Намъ думается, что послѣднее... Если телескопъ дая возможность человѣку узнать о существованіи сотенъ тысячъ невидимыхъ простымъ глазомъ свѣтящихся дисковъ, если онъ вмѣстѣ съ спектроскопомъ помогъ ему хоть немного изучить составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то вмѣстѣ съ этимъ онъ выдвинулъ милліонный міръ новыхъ, дотолѣ невиданныхъ и невѣдомыхъ человѣкомъ, новыхъ свѣтлыхъ и темныхъ точекъ; онъ представилъ ему возможность открытія еще новыхъ и

новыхъ подобныхъ точекъ. Не ясно-ли онъ сказалъ этимъ человѣку; «если я тебя сдѣлалъ побѣдителемъ сотенъ, то я же сдѣлалъ тебя и побѣжденнымъ, побѣжденнымъ отъ сотенъ тысячъ и миллионовъ; если и при моей помощи ты знаешь нѣчто о поверхности сотни міровыхъ тѣлъ, то при моемъ же посредствѣ ты долженъ узнать, что ты не знаешь поверхности цѣлыхъ миллионовъ новыхъ міровъ, и чѣмъ глубже ты будешь заглядывать въ глубины неба, тѣмъ больше и больше будетъ возрастать это число... Эти міры будутъ считаться уже билліонами»...

Но вотъ микроскопъ—этотъ могучій глазъ въ сторону бесконечно малаго... Не то же ли самое, что и телескопъ говоритъ и онъ человѣку?! Онъ сказалъ человѣческой мысли: «если я открылъ тебѣ возможность знанія кое-о-чемъ, то я же и показалъ тебѣ, что далеко, слишкомъ далеко не все ты знаешь, что есть многое тебѣ неизвѣстное и даже недоступное, что въ мірѣ есть такое, существованіе чего ты и не подозреваешь... Что въ то время, когда ты думаешь, что достигъ предѣла,—міръ раздвигаетъ предъ тобой въ бесконечность свои границы, что въ то время, когда ты немного начинаешь побѣждать своею силою сотни объектовъ познанія, на тебя надвигаются тысячи, сотни тысячъ ихъ... новыхъ... невѣдомыхъ»...

Не то же ли самое говорятъ человѣческой мысли и сотни другихъ, построенныхъ ею, приборовъ и инструментовъ?... Не о силѣ человѣческой мысли предъ безграничнымъ океаномъ этого міра говорятъ они, но о безсиліи... о недостаточности...

Такъ не къ гордости, а къ смиренію призываетъ наука даже и тогда, когда стремится расширить кругозоръ человѣка, когда вооружаетъ его повидимому могучимъ оружіемъ...

Но и на это, правда, уже не съ такою увѣренностью, намъ могутъ сказать, что все-таки въ концѣ-то концовъ это теперешнее безсиліе человѣка превратится въ могущество, что все-таки въ концѣ-то концовъ человѣкъ преодолѣетъ ограниченность своихъ познаній о видимомъ мірѣ, что, слѣдовательно, наука лишь въ настоящемъ своемъ положеніи является проповѣдующей смиреніе, что въ будущемъ эта проповѣдь кончится, что связь ея съ смиреніемъ—чисто случайное явленіе, а не касающееся самаго существа.

Но намъ думается, что всѣ эти разсужденія слишкомъ жалкія. О будущемъ, конечно, можно говорить, предпола-

гать... Но основывать что либо на этихъ предположеніяхъ, на этихъ чаяніяхъ грядущаго уже никакъ нельзя.

Такъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ утверженіе только случайной связи между наукой и смиреніемъ остается голословнымъ, бездоказательнымъ.

Напротивъ, самое существо науки говоритъ, какъ разъ о противоположномъ; оно всею силою своею подтверждаетъ наше положеніе о связи смиренія именно съ самымъ существомъ науки. Пусть человѣкъ изобрететъ хоть тысячи, хоть сотни тысячъ всевозможныхъ аппаратовъ для наблюденій и измѣреній, безконечно превосходящихъ всѣ теперешніе телескопы и микроскопы, фотографическіе камеры и проч., пусть эти наблюденія онъ контролируетъ въ миллионы разъ болѣе точными инструментами, чѣмъ теперешніе разнаго рода барометры, термометры и «метры», неустанно, день и ночь, ведущіе запись и измѣреніе явленій природы; пусть онъ открываетъ сотни новыхъ силъ, сокрытыхъ въ природѣ, вродѣ—электричества, лучей Рентгена, радія и т. п., пусть онъ переходитъ даже и тѣ границы, о непереходимости которыхъ вслухъ всего ученаго міра 40 лѣтъ тому назадъ заявилъ представитель науки*); пусть постигнетъ даже все въ мірѣ, хотя объ этомъ можно лишь, вопреки очевидности, смѣло мечтать, безъ малѣйшей надежды на осуществленіе,— все же для человѣка останется въ мірѣ неразгаданное, все же во всемъ будетъ нѣчто скрытое отъ него и о каждомъ ученомъ все же можно будетъ сказать словами поэта:

«Если ты въ книгѣ природы прочелъ, что ты самъ написалъ въ ней.

Если явленья разбилъ ради наглядности ты на категоріи, если своимъ въ не-
обязности мѣришь

Шнуромъ, ты думаешь, ты духъ всей природы постигъ?

(Ф. Шиллеръ. Изд. Голованова, стр. 107).

Тамъ, ученый вѣчно будетъ въ положеніи человѣка, до котораго доходятъ только отрывки какой либо чудной симфоніи, но онъ осужденъ вѣчно упираться въ нѣкоторую стѣну, пробить которую будетъ не въ состояніи онъ, горя-

*) Дю-Буа-Реймондъ. Докладъ на 45 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ—«О границахъ познанія природы», перев. съ нѣмецк. С. Ершова. Москва, 1900 г.

иійся своею свободой; на каждомъ шагу онъ вынужденъ волей-неволей слѣдовать совѣту поэта, говорящаго:

«Напрасны усилья!
Орлиныя крылья,
Пытливныя мысли, опускай вѣтрило
И якорь, смиряясь бросай!».

Онъ вѣчно долженъ чувствовать себя вмѣстѣ съ Ньютономъ, сидящемъ на берегу ребенкомъ, играющимъ въ раковины, предъ которымъ разстилается недоступный ему океанъ истины!

Такъ проповѣдь смиренія неотдѣлима отъ науки... Она исходитъ отъ нея и тогда, когда наука показываетъ несовершенства чувствъ человѣка, и тогда, когда расширяетъ то окно, чрезъ которое человѣкъ смотритъ на мѣръ.

Этотъ выводъ теоріи о связи науки съ смиреніемъ богато иллюстрируется жизнью прошедшей и настоящей, на страницахъ которой мы видимъ одинъ и тотъ же типъ истиннаго мудреца—типъ, исполненный смиренія, большею частію, вмѣстѣ съ великимъ Ньютономъ, снимающаго шляпу при произнесеніи слова «Богъ» и вмѣстѣ съ Сократомъ говорящаго, «я знаю только то, что ничего не знаю». И только пустое диллетанство здѣсь гордо поднимаетъ голову и смѣло кричитъ о противоестественности для настроенія нашего вѣка—смиренія, какъ идущаго вразрѣзъ съ успѣхами науки, хотя само-то сплошь и рядомъ не касается даже и края ея кубка.

(«М. Ц. В.»)

Александръ Аболенскій.

Дѣло пастыря—дѣло Христа.

Знаютъ ли пастыри ясно и отчетливо, какое великое и отвѣтственное дѣло возложено на нихъ? На это мы сказали бы: теоретически знаютъ, а чтобы въ душѣ переживать, сердцемъ чувствовать дѣло свое—этого мы видимъ мало. Почему это такъ, —это другой вопросъ. Но мы рѣшаемся спросить, —много-ли есть пастырей, которые сознательно понимали бы сущность пастырскаго дѣланія? Не „избранники“ ли они, „напр.,—Кронштадтскіе, Златоусты, Василии Великіе, Амвросіи.., да еще „невѣдомые“ міру „святители“ міра (священникъ—освятитель)? Не рѣдко какъ-то оставляется въ сторонѣ сущность пастырскаго

дѣланія...

„Кто безъ грѣха“, пусть первый броситъ въ такихъ пастырей камень, мы же не будемъ этого дѣлать, а лучше посмотримъ, каково же должно быть дѣло пастыря по ученію Слова Божія и св. отцовъ Церкви?

Дѣло пастыря—дѣло Христово. Вотъ первое, что открывается намъ при изученіи и Слова Божія, и писаній святыхъ отцовъ. „Какъ Меня послалъ Отецъ, такъ и Я посылаю васъ“ (Іоаннъ XX, 21), такъ сказалъ Христосъ Своимъ ученикамъ, и чрезъ то и ихъ преемникамъ—всѣмъ пастырямъ. Поэтому понять дѣло пастырское можно только въ томъ случаѣ, если поймемъ дѣло Христово. Для какого же дѣла приходилъ Христосъ?

Какъ-то всѣ теперь начинаютъ мало-по-малу привыкать къ той мысли, что Христосъ приходилъ для того, чтобы научить людей истинной жизни—и только. Не знаемъ, откуда пошло такое мнѣніе: играло ли тутъ роль протестантское вліяніе, сказанъ ли здѣсь Толстой, или же, быть можетъ, въ этомъ повинна проповѣдническая литература, на которой воспитываются наши пастыри, и въ которой все время идетъ рѣчь о заповѣдяхъ Христа, о Христовомъ ученіи, но очень мало говорится о другой болѣе важной сторонѣ дѣятельности Христа,—Богъ вѣсть. Какъ бы то ни было, но только съ кѣмъ ни заговоришь о дѣлѣ Христа, тебѣ обязательно будутъ указывать на учительство Христа Спасителя. Между тѣмъ это учительство только одна сторона въ дѣлѣ Христовомъ, и притомъ далеко не самая важная. Если бы Христосъ былъ только Учителемъ, то чѣмъ бы особеннымъ отличалось христіанство отъ другихъ религій и этическихъ ученій древности? Въ томъ и оригинальность христіанства, что его Основатель былъ не только Учителемъ, но и Спасителемъ, что Онъ не только училъ, но и давалъ силу осуществлять то, чему училъ. Онъ звалъ къ добру, указывалъ, въ чемъ оно заключается, и въ то же время помогалъ дѣлать это добро. Онъ говорилъ: покайтесь, очиститесь отъ своихъ грѣховъ,—и давалъ возможность начать новую жизнь, отпуская грѣхи и исцѣляя болѣзни. Онъ проповѣдывалъ наступленіе царства Божія, и самымъ дѣломъ показывалъ это наступленіе, врачуя не только души, но и тѣла толпами стекавшихъ къ Нему слушателей. Онъ говорилъ, что пришелъ дать жизнь,—и давалъ ее, говорилъ, что пришелъ спасти погибшихъ,—и дѣйствительно, спасалъ тхъ, спасалъ, гдѣ, когда и какъ придется: гдѣ словомъ, гдѣ чудомъ, гдѣ Своею Божественною Личностью. „При-

дите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Мѣ. XI, 28)—звалъ Онъ къ Себѣ больныхъ и страдающихъ. И они приходили къ Нему, и Онъ исцѣлялъ всѣхъ. Въ этой-то побѣдѣ надъ болѣзнями, нуждой и страданіями человечества и заключалось великое дѣло Христа, которымъ влеклись къ Нему люди, и по которому узнавали, что Онъ воистину есть Сынъ Божій. Особенно характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее повѣствованіе. Іоаннъ Креститель въ одно время послалъ къ Іисусу Христу двухъ изъ учениковъ своихъ спросить Его: „Ты ли Тотъ, Который долженъ придти, или ожидать намъ другого?“ Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“ (Мѣ. XI, 2—5). Отвѣтъ Христа знаменательный. По этимъ „дѣламъ“ Христа Іоаннъ долженъ былъ убѣдиться, что царство Божіе наступило и „дѣла“ Христа суть самые вѣрные признаки наступленія этого царства.

Апостолы, постоянно находившіеся около Іисуса Христа, прекрасно поняли, что собственно принесъ Онъ міру. Они видѣли, какъ Онъ устроялъ спасеніе Израилю, и въ этомъ смыслѣ стали возвѣщать Христа послѣ Его смерти всѣмъ народамъ. Они пошли въ міръ, чтобы всюду проповѣдывать о Богѣ Спасителѣ, Исцѣлителѣ и Врачѣ, у Котораго все—жизнь, „дѣло и даже страданія были спасеніемъ“. Когда ап. Павелъ писалъ къ Галатамъ: „уже я не живу, но живетъ во мнѣ Христосъ, а что нынѣ живу во плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня“ (II, 20),—то это не было временнымъ и случайнымъ настроеніемъ апостола, но выражало постоянное и спокойное содержаніе его сознанія. Это сознаніе боодушевляло и всѣхъ остальныхъ христіанскихъ благовѣстниковъ, побуждало ихъ не бояться ни костра, ни пытки, ни меча, и этою же увѣренностью о Христѣ, Спасителѣ міра, побуждало христіанство міръ. Побуждало, потому что міръ давно уже ждалъ исцѣленія и спасенія.

Дряхлый, развратный, изнемогшій отъ всевозможныхъ болѣзней, языческій міръ не истины искалъ въ то время, какъ появилось христіанство,—истина была доступна нѣкоторымъ представителямъ язычества,—а главнымъ образомъ здоровья, исцѣленія отъ своихъ немощей, силъ для того, чтобы слѣдовать за истиной. Но гдѣ было взять этого здоровья? Гдѣ найти

спасеніе отъ какихъ-то темныхъ силъ, гнетущихъ человѣка. Больше всего искали спасенія въ религіи, потому что нигдѣ больше его не давалось. Такъ какъ древнія религіи никого не удовлетворяли (это были религіи для здоровыхъ), то обратились къ разнымъ мистическимъ культамъ Востока и отъ нихъ ждали помощи. Что эта жажда исцѣленія, спасенія, была чрезвычайно сильна, это особенно видно изъ того расцвѣта, какого достигъ культъ Эскулапа (бога цѣлителя) въ эпоху императоровъ. Въ честь Эскулапа въ Римѣ (на р. Тибрѣ) былъ воздвигнутъ храмъ, а при немъ былъ устроенъ лѣчебный институтъ, въ которомъ больные ожидали во снѣ указаній бога. Въ прославленные цѣлебныя мѣста бога ѣздили такъ же, какъ теперь ѣздить на воды: къ Эскулапу обращались при болѣзняхъ души и тѣла, принося ему богатѣйшіе подарки и даже посвящая ему свою жизнь. Христіанству со стороны этого культа пришлось встрѣтить самое сильное противодѣйствіе. Но, какъ истинная религія спасенія, он побѣдило и въ этомъ случаѣ. Христіанство не только противопоставило воображаемому Эскулапу дѣйствительнаго Исцѣлителя, но вполне ясно и опредѣленно выразило себя, какъ „религію спасенія“, какъ „врачество души и тѣла“, и въ дѣятельной заботѣ о больныхъ душою и тѣломъ увидѣло одну изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Христіанство прямо заявило о себѣ, что оно — „религія для больныхъ“. Еще Христосъ Спаситель говорилъ: „не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные“, и что „Сынъ Человѣческой пришелъ спасти и възсудить погибшаго“. Ап. Павелъ указалъ, что не одинъ человѣкъ не находится въ нормальномъ состояніи, но все нездоровы. Все, по его мысли, больны, все вымираютъ, потому что все согрѣшили и лишились славы Божіей (Рим III, 9—10; 23). Этому же учили и другіе проповѣдники христіанства. Они говорили, что человѣческая душа больна, подвержена смерти и притомъ съ рожденія. Весь родъ человѣческой находится въ состояніи умиранія. Но теперь — добавляли они — явилась „благодать и человеколюбіе Господа Спасителя“ и обновляетъ душу (Тит. III, 4). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой мыслию, крещеніе понималось, какъ баня къ возстановленію здравія души, къ „приобрѣтенію жизни“, какъ „цѣлебное врачество“ (Климентъ Ал.), а вода крещенія называлось „водой врачеванія“ (Тертуліанъ); таинство евхаристіи именовалось „врачевствомъ безсмертія“ (Игнатій, Іустинъ, Оригенъ), а покаяніе „истиннымъ врачевствомъ удовлетворенія“ (Кипріанъ, „о падшихъ“). Въ праздники благодарили за „жизнь“,

которая ниспослана теперь, въ христіанствѣ, т. е. за ту безсмертную, блаженную жизнь, которую уготовалъ и даетъ Господь всѣмъ любящимъ Его.

Съ теченіемъ времени древняя Церковь весь свой догматическій и культовой аппаратъ обработала съ точки зрѣнія врачества души и тѣла. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи пониманіе ею дѣла Христова. Отцы древней Церкви изображали Христа, именно, какъ „Врача челоуѣчества“. Нашъ врачъ—Иисусъ Христосъ“—говорили они (Іустинъ). „Слово Отца есть единственный исцѣляющій врачъ для челоуѣческихъ немощей и святой чудотворецъ для больныхъ душъ“. „Врачебное искусство лѣчитъ болѣзни тѣла по Демокриту, а истина освобождаетъ души отъ страстей. Но добрый „Педагогъ“, Мудрость, Слово Отца, Творецъ челоуѣковъ заботится о всемъ созданіи и исцѣляетъ по душѣ и тѣлу, Онъ есть вседостаточный врачъ челоуѣчества, Спаситель“. „Онъ открылъ челоуѣчеству духовное врачество къ благосостоянію и исцѣленію, обнаруживаетъ поврежденія, обозначаетъ причины страданія, отрѣзаетъ корни неразумныхъ страстей, предписываетъ діету, прилагаетъ къ болѣзнямъ всѣ цѣлительныя средства. Потому это есть великое и дѣйствительно царственное дѣло Божіе: спасеніе челоуѣчества“ (Климентъ Алек. „Педагогъ“). Этотъ „Педагогъ“, Иисусъ, „какъ превосходный врачъ, ради исцѣленія больныхъ изслѣдуетъ отвратительное и прикасается къ омерзительному, при чужихъ страданіяхъ Самъ испытываетъ скорби и насъ, которые были не только больны, не только страдали ужасными нарывами и гнойными язвами, но уже подлежали смерти, Самъ Собой спасъ отъ пучины смерти“ (Евсеній). „Христосъ былъ язвленъ, чтобы исцѣлить наши язвы... Какъ Господь, Онъ Своимъ пришествіемъ исцѣлилъ всякую язву, причиненную Адамомъ“ (Кипріанъ). Будучи превосходнымъ Врачемъ, Иисусъ Христосъ исцѣляетъ самый корень болѣзней. „Врачъ не можетъ съ успѣхомъ примѣнить ни одного средства къ нуждающемуся въ лѣченіи тѣла, если онъ не удалитъ сидящее въ тѣлѣ зло или не воспрепятствуетъ приближающемуся злу. Такъ и Учитель истины никого не можетъ убѣдить въ своемъ ученіи о истинѣ, пока заблужденіе скрыто въ душѣ слушателей и противится доказательствомъ (Аѳинагоръ).

Изъ этихъ разсужденій хорошо видно, чѣмъ былъ Иисусъ Христосъ для сознанія древней Церкви. Изъ нихъ открывается, что древняя Церковь смотрѣла на Христа, какъ на Врача душъ и тѣлесъ, а дѣло Его представляла, какъ дѣло уврачеванія,

исцѣленія страждущаго человѣчества. Въ зависимости отъ такого пониманія дѣла Христова отцы Церкви представляли значеніе Церкви и ея представителей—пастырей Церкви. Церковь, по ихъ взгляду, есть великій лазаретъ для человѣчества: ея ученіе и всѣ, совершаемыя въ ней дѣйствія, суть врачество по отношенію къ (больному человѣчеству) язычникамъ, грѣшникамъ и еретикамъ, а епископы и душепопечители-врачи ихъ, но врачи не сами по себѣ, а только какъ служители Христа, Единственнаго Врача человѣчества. Мы уже видѣли, какъ называлось въ древней Церкви крещеніе и евхаристія. Эпитеты, прилагаемые къ этимъ таинствамъ, ясно указываютъ на спасающій, исцѣляющій характеръ ихъ. А вотъ какъ разсуждаютъ отцы, и учителя Церкви о таинствѣ покаянія. Отцы сравниваютъ покаяніе съ лѣченіемъ и все время говорятъ о немъ образами, взятыми изъ области врачебнаго искусства. „Не всѣ раны лѣчатся однимъ и тѣмъ же пластыремъ: лихорадочные случаи останавливаются облегчительными повязками“, —говоритъ Игнатій Богоносецъ. „Исцѣленіе страстей—пишетъ св. Климентъ во вступленіи къ „Педагогу“, —Логосъ совершаетъ посредствомъ убѣжденія: Онъ укрѣпляетъ души кроткими законами, какъ облегчительными лѣкарствами и располагаетъ больныхъ къ полному познанію истины“. „Примѣнимъ и мы поведеніе врачей (къ дѣлу нравственнаго воспитанія),—говоритъ Оригенъ, когда, несмотря на употребленіе масла, пластыря и примочки, твердость опухоли не ослабѣваетъ, остается только одно средство—отрѣзать“. На возраженіе страшившихся покаянія христіанъ, утверждавшихъ, что публичная исповѣдь грѣховъ вмѣстѣ съ выполненіемъ покаянія оскорбляетъ чувство чести и обидна, Тертуліанъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, грѣхомъ человѣку наносится обида: но куда приходитъ покаяніе, тамъ прекращается обида, такъ какъ вступаетъ спасительное сѣмя. Больно также подвергать себя рѣзанію, выжигать желѣзомъ или мучить себя ѣдкимъ порошкомъ; однако при лѣчебныхъ средствахъ, содѣйствующихъ исцѣленію болѣзненно, возмѣщеніемъ непріятности является преимущество здоровья“. Съ нимъ согласенъ и Кипріанъ, когда онъ пишетъ; „священники Господни должны пользоваться цѣлебными средствами. Неопытенъ тотъ врачъ, который только слегка ощупываетъ опухшія извилины ранъ; сохраняя заключенный глубоко во внутреннихъ частяхъ ядъ, онъ только увеличиваютъ его силу. Надобно открыть рану, разсѣчь и, удаливши гной, приложить къ ней болѣе дѣйствительный пластырь. Пусть больной вопіетъ, пусть

кричить, пусть жалуется на нестерпимую боль; онъ будетъ благодарить потомъ, когда, почувствуетъ себя здоровымъ“. Самое подробное сравненіе между епископомъ и хирургомъ мы читаемъ въ апостольскихъ постановленіяхъ: „какъ сострадательный врачъ, исцѣляй (ты, епископъ) всѣхъ грѣшниковъ, прилагая цѣлебныя, ведущія къ спасенію, средства. Не ограничивайся разрѣзываніемъ, прижиганіемъ и примѣненіемъ сухого присыпного порошка, но употреблий также повязки и корпію, давай пріятное и ослабляющее боль лѣкарство и раздѣляй слова утѣшенія, какъ смягчительныя примочки. Но гдѣ рана глубока и открыта, тамъ пользуйся пластыремъ, если же она гнойна, то очисти ее сухимъ порошкомъ, т. е. обличительнымъ словомъ; если же она поросла дикимъ мясомъ, устрани ее ѣдкой мазью, т. е. угрозой суда; если же она распространяется, то выжги ее желѣзомъ и вырѣжь гнойный нарывъ наложеніемъ поста. Если ты, исполнивши это, найдешь, что отъ ногъ до головы нѣтъ мѣста, чтобы приложить пластырь, или масло, или повязку, но что нарывъ усиливается и противится всякому лѣченію,—какъ ракъ каждый членъ обращаетъ въ гнилость,—то съ большой осторожностью и послѣ рачительнаго совѣщанія съ другими опытными врачами, отрѣжь гнилой членъ, чтобы не погубить все тѣло Церкви. Не приступай спѣшно къ отрѣзанію и не сразу обращай къ многозубчатой пилѣ, но сначала употреблий ножъ и удаляй нарывъ, чтобы чрезъ устраненіе внутренней причины болѣзни тѣла предохранить отъ страданій. Но если ты встрѣтишь неспособнаго къ покаянію и (внутренно) омертвѣлаго, съ печалью и скорбью отсѣкай его, какъ неисцѣлимаго“.

Покаяніе въ древней Церкви играло чрезвычайно важную роль, такъ какъ съ него и начиналось спасеніе человѣка. Поэтому-то древніе отцы и учителя Церкви и посвятили множество прекрасныхъ разсужденій этому таинству. Но христіанство не только призываетъ къ покаянію, оно не только лѣчитъ душевныя болѣзни, оно даетъ покаявшемуся и очистившемуся покаяніемъ положительныя религіозныя блага и вводитъ его въ тайны Божественной жизни. Пользованіе религіей, какъ цѣлительнымъ средствомъ, есть только переходный пунктъ. „Блаженны тѣ, взываетъ Оригенъ, которые, врачуяе у Сына Божія, становятся такими, что имъ не нуженъ болѣе ни врачъ, исцѣляющій больныхъ, ни пастырь, ни избавленіе, но одна только мудрость, разумъ и справедливость“. „Двойное предлагаетъ наша религія: больному она доставляетъ цѣлительное средство, и сюда

относится слово; „не здоровымъ нуженъ врачъ, но больнымъ“; чистымъ же душой и тѣломъ она открываетъ тайну, отъ вѣка сокровенную, нынѣ же открытую въ пророческихъ твореніяхъ и въ явленіи нашего Господа Иисуса Христа... Поэтому, Богъ Слово былъ посланъ для грѣшниковъ, какъ врачъ, а для тѣхъ, которые уже чисты и болѣе не грѣшатъ, какъ учитель божественной тайны“. Климентъ Алекс. говоритъ прямо золотыя слова въ этомъ отношеніи: „Не одно и то же здоровье и гносисъ, послѣдній есть плодъ ученія, первое же есть слѣдствіе цѣлебнаго искусства. Никто изъ больныхъ душой не можетъ сдѣлать умственныхъ приобрѣтеній прежде выздоровленія, и ученика учащагося и ученика больного вѣдь ни однимъ и тѣмъ же пользуются, но стараются одного возвысить до гносиса, другого до выздоровленія. Какъ при тѣлесной болѣзни требуется врачъ, такъ и душевная немощь требуетъ педагога, чтобы онъ укротилъ наши страсти; только уже позднѣе требуется учитель, который могъ бы ввести душу въ чистый гносисъ; съ принятіемъ коего она въ состояніи была бы проникнуть и въ тайны христіанскаго ученія“ („Педагогъ“).

Слова Климента мы назвали „золотыми“, такъ какъ въ нихъ, по нашему, хорошо выражается задача представителей Церкви, какъ она предносилась сознанію древней Церкви. Здѣсь именно указывается на то, что больное и разслабленное челоѣчество нуждается, прежде всего, въ излѣченіи, а потомъ уже и въ наученіи. „Никто изъ больныхъ душой не можетъ сдѣлать умственныхъ приобрѣтеній прежде выздоровленія“..; стало быть, такихъ людей нужно сначала лѣчить, а потомъ уже и учить. Недаромъ, поэтому древняя Церковь видѣла въ „священникахъ Бога Вышняго“ именно „врачей“ душъ и тѣлъ, и есѣ дѣйствія, производимыя ими, разсматривала, какъ направленныя къ одной цѣли—къ уврачеванію людей и приведенію ихъ въ такое состояніе, чтобы они были способными и къ дальнѣйшимъ ступенямъ нравственнаго совершенствованія и къ болѣе высокому постиженію тайнъ Христіанской религіи, къ т. н. „гносису“. Этотъ взглядъ Церкви на служеніе пастырское стоитъ, какъ мы видѣли, въ полномъ соотвѣтствіи и съ тѣмъ представленіемъ, какое соединяла древняя Церковь съ личностью Христа Спасителя.

Такимъ образомъ, пастыри Церкви, и по древне-церковному сознанію, являются, дѣйствительно, не чѣмъ инымъ, какъ продолжателями спасительнаго дѣла Христа и Его прямыми наслѣд-

никами. Это — врачи, врачующіе благодатными тайнами не только душу, а и тѣло людей; это — цѣлители больного грѣхонъ челоуѣчества, дающіе ему здоровье и жизнь. Это мы и хотѣли показать въ настоящій разъ. Е. Х.

РЕЛИГИОЗНЫЯ ОСНОВЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Профессоръ богословія Берлинскаго университета д-ръ Холль (Ноп), одинъ изъ выдающихся въ Германіи знатоковъ православія, годъ тому назадъ прочиталъ на курсахъ государствовѣденія двухчасовую лекцію на тему: „Религіозныя основы русской культуры“ и мы хотимъ познакомить съ нею нашихъ читателей, хотя теперь, слѣдуя мудрой пословицѣ: „лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Эта чрезвычайно интересная и содержательная лекція отличалась глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ трактуемаго вопроса, который былъ изложенъ почтеннымъ ученымъ съ большимъ воодушевленіемъ и любовью.

Вопросъ о религіозныхъ основахъ русской культуры является, — заявилъ проф. Холль въ своемъ вступленіи, — однимъ изъ глубочайшихъ вопросовъ для современной Россіи, если разсматривать его съ той точки зрѣнія, насколько въ православіи духовныя силы сохранили свою цѣнность и въ какихъ отношеніяхъ находятся онѣ къ задачамъ нашего времени. Церковь въ Россіи заключаетъ въ себѣ, по словамъ нѣмецкаго богослова, безъ сомнѣнія, значительную часть старой культуры Византіи, продолженіе существованія которой наблюдается въ Москвѣ, Кіевѣ и вездѣ. Но эта связь между Церковью и культурой не является ли только внѣшней, — спрашиваетъ далѣе проф. Холль, — и не служитъ ли помѣхой для дѣйствительнаго прогресса жизни? Не должны ли Церковь и старая культура вмѣстѣ пасть, когда Россія примкнетъ къ современной культурной жизни? Или же возможно и то, что и въ данномъ случаѣ религія обнаружитъ въ себѣ такія силы, при помощи которыхъ русскій народъ сможетъ извлечь современныя цѣнности изъ своего собственнаго существа?

Православная Церковь въ Россіи совершаетъ, по словамъ проф. Холля, культурную работу въ рамкахъ государства и при содѣйствіи государства. Церковь приходитъ государству на помощь и предоставляетъ въ его распоряженіе силы, способствую-

щія его дальнѣйшему развитію. *Церковь создасть*, по заявленію нѣмецкаго ученаго богослова, прежде всего ту почву, на которой возникаетъ каждая культурная работа, а именно: *настоящую общность народа*. Государство съ его принудительными мѣрами не было бы никогда въ силахъ примирить внутренно другъ съ другомъ многочисленные народы, населяющіе Россію, если бы православная Церковь не оказала бы ему свое содѣйствіе въ этомъ, сообщивъ имъ духовную общность. Насколько было велико участіе ея въ дѣлѣ созданія народнаго единства, объ этомъ многократно свидѣлствуетъ русская исторія, въ особенности же эпоха татарскаго господства, когда государство было разрушено и только одна Церковь соединяла народъ вмѣстѣ. Проф. Холль задается при этомъ вопросамъ о томъ, возможно ли было бы вообще управлять столь неслыхано разросшимся государствомъ безъ наличности этой духовной связи, соединяющей во едино народы, живущіе въ большомъ отдаленіи другъ отъ друга и стоящіе на низкой ступени культурнаго развитія. Церковь создаетъ сначала, по словамъ проф. Холля, то *теплое чувство къ цѣлому*, которое является предварительнымъ требованіемъ проявленія его въ цѣломъ. И это дѣлаетъ одна только Церковь. Правда, Церковь дѣйствуетъ не исключительно только духовными средствами, — оговаривается ученый: она съ своей стороны не задумывается прибѣгать къ помощи государства, когда видитъ гдѣ-либо угрозу своему положенію. Но свои завоеванія русская Церковь не совершаетъ этимъ способомъ. Ея дальнѣйшему успѣху всегда способствуетъ скорѣе то нравственное давленіе, которое производится послѣдователями оной. У русскаго человѣка народное и религіозное чувства настолько объединились между собою, что онъ уважаетъ только тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые исповѣдуютъ православіе. Въ этомъ заключается та сильная воля, благодаря которой русскій народъ сохраняетъ свою собственную народность среди народовъ, стоящихъ выше его духовно. По мнѣнію проф. Холля, русская Церковь не только укрѣпляетъ народность, но также *способствуетъ сильнѣйшему порыву къ высшимъ стремленіямъ*. Она порождаетъ въ русскомъ народѣ вѣру въ его собственное опредѣленіе и въ его великую будущность. Въ Визавтіи за время ужасной многовѣковой борьбы съ исламомъ въ народѣ возникло и укрѣпилось убѣжденіе въ его избранности. Борьба за продолженіе существованія государства въ то же самое время была и борьбой за вѣру. Убѣжденіе въ Божіей избранности въ

русскомъ народѣ пустило еще болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Византіи. Русскій народъ называетъ свою страну „святой Русью“, и это выраженіе имѣетъ болѣе серьезный смыслъ, чѣмъ у другого новаго народа, называющаго свою родную землю святой землей. Страна—свята; потому что на ней живетъ православный, излюбленный Богомъ народъ. Насмѣхающійся надъ этимъ убѣжденіемъ обнаруживаетъ только свое плохое пониманіе историческихъ силъ. Ни одинъ народъ никогда не преуспѣвалъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи безъ подобнаго рода самосознанія и безъ извѣстной доли преувеличенія своихъ достоинствъ. И именно *религіозныя основы даютъ народу несравнимыя ни съ чѣмъ сопрошвенія противъ нападеній извнѣ*, въ чемъ убѣдились всѣ враги Россіи, вступившіе на русскую почву, включая Наполеона. Въ этомъ самосознаніи и самовосхваленіи заключается также и наилучшая вѣра народа въ его право на дальнѣйшій ростъ и развитіе. Для избраннаго народа мірсвое господство не является еще слишкомъ высокой цѣлью. Могучія стремленія Россіи къ расширенію своихъ земельныхъ владѣній соответствуютъ тѣмъ представленіямъ, которыя самъ русскій народъ составилъ себѣ о своемъ назначеніи въ исторіи.

Та же самая религіозная вѣра помогаетъ русскому народу, по словамъ проф. Холля, когда онъ сравниваетъ свои собственные дѣянія въ области образованія съ таковыми же другихъ народовъ. Въ Россіи съ извѣстной гордостію противопоставляютъ ей неиспорченность гнилой культурѣ Запада. И это сознаніе покоится на настоящемъ чувствѣ божественнаго опредѣленія наподобіе того, какъ христіанство первыхъ вѣковъ называло себя религіей варваровъ. Такое представленіе русскаго народа о своемъ назначеніи является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, какую своеобразную роль занялъ онъ во всеобщемъ культурномъ движеніи. Русскій народъ во время своей молодости вросъ въ старую, состарившуюся культуру и, начавъ жить своей особой духовной жизнью, подвергся по очереди вліянію польской, германской, голландской и французской культуръ. Чтобы сохранить свой собственный духовный обликъ при такомъ наплывѣ чужеродныхъ вліяній, онъ нуждался въ защитѣ. Религія и истекающее изъ нея чувство самосознанія оказались достаточно сильными, чтобы дать русскому народу эту необходимую поддержку. И онѣ укрѣпили въ немъ увѣренность въ его собственныхъ силахъ и мужество идти собственнымъ путемъ. И дѣйствительно нужно признать, что вездѣ, гдѣ русскимъ уда-

лось идти самостоятельно и найти свой собственный стиль, религія играла роль освободительницы.

Наконецъ, по словамъ проф. Холля, религія даетъ русскому нарооу душевныя силы, необходимыя ему для его дальнѣйшаго высшаго развитія:

Наряду съ вышеизложенными общими положеніями, проф. Холль обстоятельно охарактеризовалъ сущность православія, монашества, нравственно-религіозныя понятія и внутреннія переживанія рускаго, православнаго храма и совершаемыхъ въ немъ богослуженій.

Русскій народъ, по утверженію проф. Холля, дѣйствительно любитъ свою Церковь; онъ подчиняется ей не по принужденію, а вполне добровольно. Церковь привлекаетъ рускаго человека къ себѣ, являясь для него убѣжищемъ, въ которомъ онъ находитъ себѣ успокоеніе отъ всѣхъ невгодъ и тягостей существованія, гдѣ онъ чувствуетъ себя перенесеннымъ въ высшій міръ и охваченнымъ теплотой, нѣжностію, любовью. При посредствѣ церкви въ монотонное, сѣрое существованіе рускаго народа приходитъ нѣчто радостное, нѣчто праздничное, Русскіе же церковныя праздники прямо срослись съ душой народа.

Церковь, по словамъ нѣмецкаго богослова, объединяя русскій народъ въ одно цѣлое, сообщаетъ ему чувство единства людей между собою, и обычныя обращенія—братецъ, батюшка—не являются у русскихъ только прѣстыми словами. *Подъ вліяніемъ христіанскаго впроученія природное добродушіе рускаго человека еще больше увеличилось и углубилось.* Всѣми христіанскими Церквями признано, что благотворительность нигдѣ не совершается такъ свободно и какъ сама собою понятная обязанность, какъ въ Россіи, въ которой основное правило древняго христіанства о помощи ближнему сохранилось во всей его силѣ.

Русская Церковь унаслѣдовала, по свидѣльству проф. Холля, отъ греческой христіанской церкви старую и прекрасную черту благодарности Богу за даръ Божій, каковая не проявляется столь сильно и ярко, можетъ быть, ни въ одной изъ христіанскихъ церквей, какъ въ русской православной.

Лекція профессора Холля произвела на его многочисленныхъ слушателей очень сильное и глубокое впечатлѣніе и пролила на православіе и вообще на нравственно-религіозное міровоззрѣніе рускаго народа новый болѣе истинный свѣтъ.

Многіе, познакомившись съ этой лекціей, откровенно признались, что до сихъ поръ они имѣли о православіи самое смутное

и совершенно превратное представление и относились къ нему, поэтому пренебрежительно и свысока, теперь же, уразумѣвъ сущность онаго, прониклись къ нему самымъ глубокимъ уваженіемъ.

ВЪ ЕДИНЕНІИ — СИЛА.

„Въ единеніи—сила“—вотъ основа—лозгунгъ всѣхъ процвѣтающихъ разнаго рода обществъ и братствъ.

Напротивъ, вражда — ссора — причина неблагоустройства всѣхъ городовъ, обществъ и учрежденій. И въ Св. Писаніи сказано, что всякое царство, раздѣлившееся на ся, т. е. въ самомъ себѣ, запустѣетъ и разорится. Исторія намъ подтверждаетъ эти положенія.

Если гдѣ либо теперь требуется это единеніе, то въ духовномъ вѣдомствѣ—у пастырей Церкви и вообще у дѣятелей Церкви въ особенности.

Въ періодической печати всюду теперь слышишь открыто заявленіе, что церковная община разваливается по швамъ. И въ дѣйствительности, если кто слѣдитъ за этимъ, видитъ это явленіе на каждомъ шагѣ.

Что же дѣлается въ виду этой бѣды у руководителей церковнаго дѣла? Вѣдь, въ виду опасности всегда готовятся къ отраженію этой опасности: объединяются, вооружаются и выступаютъ на борьбу.

Къ прискорбію, не видно этого у дѣятелей церковнаго дѣла.

Если гдѣ—такъ это у нихъ рознь и вражда болѣе всего и процвѣтають. Это отмѣчаетъ и печать періодическая (Нива 1913 г. № 1, очеркъ Гусева-Оренбур. „Враги“). Да и безъ періодической печати мы это видимъ чуть не въ каждомъ своемъ городѣ и учрежденіи. Псаломщикъ вооружаетъ прихожанъ на священника, а священникъ, въ свою очередь, вооружаетъ прихожанъ своей партіи на псаломщика. А если гдѣ нѣсколько въ приходѣ есть членовъ причта, то всѣ воюють—враждуютъ между собой, втягивая сюда же и своихъ прихожанъ и, вмѣсто Христова — Божьяго дѣла спасенія душъ пасомыхъ,—они разрушаютъ это дѣло и ведутъ къ гибели пасомыхъ и самое дѣло губятъ, совершенно забывъ слова Спасителя (Еванг. Іоанна, 13 глава, 34—35 ст.), что послѣдователи Его непременно должны имѣть любовь между собою.

Разрушая сами, такимъ образомъ, Христово-Божье дѣло— спасенія душъ людскихъ, они въ тоже время жалуются на другихъ, постороннихъ лицъ что, они— суть враги Церкви и Христова дѣла.

Пусть не подумаетъ кто лишь, что я пишу эти строки въ какихъ либо цѣляхъ вреда для духовенства. Нѣтъ,—я пишу ихъ съ глубокою, сердечною скорбію о разрушеніи Христова дѣла,—и для вразумленія его разрушителей. Можетъ быть, кто либо и найдется благоразумный и возмется за исправленіе себя и другихъ въ этомъ отношеніи и, понявъ лозунгъ— „въ единеніи—сила“, громко и властно скажетъ, что болѣе подобное явленіе не терпимо и объединить всѣхъ дѣятелей на Христовой нивѣ въ единокорныхъ работниковъ, съ сознаниемъ важности ихъ дѣла и отвѣтственности за него предъ Богомъ и родиной.

Пусть вспомнятъ всѣ враждующіе иногда изъ за дѣла, не стоящаго яйца или просто изъ-за гордости, самолюбія и проч., слова Св. Апостола Павла (1 Коринѣ. 13 гл. 1—9 ст.) и убоятся, если не здѣсь—на землѣ, то тамъ—на небѣ праведнаго гнѣва Божія за себя и свою паству, а носящіе іерейскій санъ, кромѣ того, и свою клятву при принятіи на себя этого сана.

Духовный.

О ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОМЪ СТРОИТЕЛЬСТВѢ.

Въ 1864 году образованная подъ предсѣдательствомъ кн. Черкаскаго комиссія для изысканія способовъ къ скорѣйшему исправленію униатскихъ храмовъ убѣдилась, что храмы эти къ тому времени доведены были до такого убожества, какое едва ли можно встрѣтить въ другихъ религіяхъ. Почти большая половина приходскихъ и приписныхъ церквей требовали безотлагательной замѣны ихъ новыми, а остальные—капитальнаго ремонта. Такое плачевное состояніе униатскихъ храмовъ обусловливалось установившимся порядкомъ по церковностроительному дѣлу въ униатскихъ приходахъ съ одной стороны и цѣлями, какія преслѣдовало латинство, подъ властью котораго находилась униатская Церковь, съ другой.

На западѣ Европы въ XVI в., изъ борьбы свѣтской власти

съ католическими духовными лицами, по дѣламъ приходскихъ выработались, такъ называемые, *jus investiturae* и *jus patronatus*, т. е. Право опеки и контроля надъ церковными дѣлами въ собственныхъ владѣніяхъ и право владѣльцевъ имѣній на выборъ кандидатовъ въ духовныя должности и утвержденія ихъ въ этихъ должностяхъ въ случаѣ назначенія ихъ высшею духовною властью. Въ отплату за эти права владѣльцы въ числѣ другихъ обязательствъ приняли на себя заботу о постройкѣ и починкѣ церквей и приходскихъ строеній въ своихъ имѣніяхъ.

Такой порядокъ практиковался и въ Польшѣ, распространяясь въ равной мѣрѣ на приходы католическіе и уніатскіе.

Конечно, владѣльцы имѣній, которые оставались вѣрными религіи своего народа пользовались этимъ правомъ на пользу приходовъ и въ цѣляхъ защиты народа отъ католической пропаганды. Владѣльцы же, измѣнявшіе религію народа обращали это право во вредъ приходамъ. А такъ какъ въ б. царствѣ Польскомъ почти всѣ русскіе владѣльческіе роды перешли на сторону Рима, то понятно, какую пользу могли они принести уніатскимъ приходамъ. Достаточно сказать, что унія своими первоначальными успѣхами обязана преимущественно трудамъ такихъ ренегатовъ.

Послѣ раздѣла Польши и присоединенія части ея къ Россіи, Императоры русскіе изданіемъ соотвѣтствующихъ законовъ старались поддержать уніатскіе храмы и приходскія строенія въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ. Такъ, законъ Императора Николая I 1846 года, сохранилъ за владѣльцами право патрона, возложилъ на нихъ обязанность заботиться о благолѣпіи церквей и нести соразмѣрно земельному владѣнію своему расходъ на церковныя постройки и починки. Но и этотъ законъ не улучшилъ положенія уніатскихъ храмовъ. Патроны не только не заботились о постройкѣ и починкѣ церквей, а систематически вели ихъ къ разрушенію и полному уничтоженію, чтобы отвлечь отъ нихъ народъ къ костеламъ.

Нерѣдко храмы многіе годы оставались безъ всякой починки, такъ что правительству приходилось взыскивать съ патронновъ, причитающуюся съ нихъ на церковно-приходскія нужды сумму, посредствомъ долгихъ понужденій, а иногда и исполнительнымъ способомъ. Не улучшилось дѣло и послѣ изданія въ 1843 году „Инструкціи о постройкѣ и исправленіи церквей и другихъ церковно-приходскихъ строеній въ р.-католическихъ и греко-уніатскихъ приходахъ“¹⁾

По этой инструкціи издержки по церковно-приходскому строительному дѣлу составляли обязанность подлежащихъ приходовъ. Если же приходъ не имѣлъ никакихъ мѣстныхъ источниковъ, то въ такомъ случаѣ издержки возлагались на прихожанъ. А такъ какъ патроны, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежалъ къ греко-уніатскому исповѣданію, не принадлежали къ числу прихожанъ уніатскихъ церквей, то тѣмъ самымъ они могли освобождать себя отъ всякихъ расходовъ по постройкѣ и исправленію греко-уніатскихъ церквей, и вся тяжесть этого дѣла, доведеннаго до поразительнаго разстройства²⁾ должна была пасть исключительно на убогое уніатское крестьянство.

Конецъ такому печальному явленію былъ положенъ Высочайшимъ указомъ Императора Александра II-го 14 іюля 1864 года, силою коего уничтожался патронатъ. Вотъ нѣкоторыя статьи этого указа въ отношеніи къ греко-уніатскимъ приходамъ³⁾.

Ст. 7. „Въ греко-уніатскихъ приходамъ царства Польскаго, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, патронатъ или такъ называемое ктиторство симъ отмѣняется. Съ тѣмъ вмѣстѣ патроны или ктиторы греко-уніатскихъ церквей увольняются какъ

1) Дневникъ Законовъ Ц. П.

2) Еще недавно въ Холмской епархіи существовали храмы, крытые соломой, и весьма мало отличавшіеся отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ хатъ.

3) Дневникъ Законовъ Ц. П.

отъ обязательства участвовать въ расходахъ на церковное строительство, такъ и отъ участія въ дѣлахъ сихъ церквей“.

Ст. 16. „Казна царства Польскаго ассигнуеть на исправленіе и возобновленіе греко-уніатскихъ церквей ту часть суммы, которая по дѣйствовавшимъ доселѣ правиламъ, отмѣняемымъ за силою статьи 7, составляла бы обязательный на сей предметъ взносъ патрона или ктитора“.

Ст. 17. „Въ случаѣ недостаточности указанной въ предыдущей статьѣ приплаты изъ казны и собственныхъ средствъ греко-уніатскихъ приходовъ для обновленія и устройства ихъ церквей, прихожане имѣють право обращаться къ правительству съ просьбою о дарованіи имъ пособія на этотъ предметъ, сверхъ означенной приплаты“.

Такимъ образомъ, съ 1864 года дѣло постройки и починки церквей и приходскихъ строеній въ уніатскихъ приходахъ правительство приняло на себя. Послѣдующими узаконеніями приведенный выше Указъ, кажется, не былъ отмѣненъ, поэтому нѣсколько непонятно, почему еще до послѣдняго времени въ Холмской епархій можно встрѣтить храмы, насчитывающіе себѣ 200 и болѣе лѣтъ?

С. З. С.

ПОЧТЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ.

На окраинѣ нашей Холмины, въ селѣ Канѣ, Холмскаго уѣзда 10-го сентября 1913 года состоялось рѣдкое трогательно-скромное торжество 50-лѣтняго юбилея служенія православной Церкви, Царю и Родинѣ мѣстнаго псаломщика Романа Михайловича Матышука.

Имѣя отъ роду 72 года, онъ въ своей скромной должности прослужилъ полвѣка и хотя и „въ низкой долѣ“, все-же умѣлъ стать путеводною звѣздочкой къ возрожденію русскаго самосознанія и укрѣпленія православія для многихъ Холмчанъ въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ.

Вся жизнь Романа Михайловича, полная терній, закалила его въ борьбѣ со множествомъ соблазновъ „міра сего“. Еще юношей началъ юбиларь

службы въ тяжелое и жестокое время „польскаго мятежа“ 1863 г., когда одно неудачное слово рѣшило участь человѣка, и многоуважаемому Роману Михайловичу предстояло быть повѣшеннымъ за уничтоженіе польской повстанческой прокламаціи къ народу на деревянномъ крестѣ, и только поражение повстанческой банды русскими войсками спасло его отъ неминуемой лютой смерти.

Во время воссоединенія униатовъ съ православною Церковью, Романъ Михайловичъ своимъ примѣромъ и усердіемъ къ храму Божию (это неотъемлемая характерная черта его) привлекъ въ православную Церковь весьма многихъ упорныхъ въ своемъ фанатизмѣ униатовъ. Надо знать, что въ тогдашнія времена должность дячка-причетника считалось вольнонаемной и весьма скудно оплачивалось: причетникъ питался отъ щедротъ униатскаго священника „пароха“, за что иногда выполнялъ обязанности кучера и сторожа. Несмотря и на такія отношенія своихъ старшихъ сослуживцевъ, многоуважаемый юбиляръ несъ ревностно и съ честью свою службу съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью. Нужда матеріальная удваивала только энергію: онъ со своею, уже покойною супругою, трудился не покладая рукъ, отдыхая буквально по 3-4 часа въ сутки. За такое христіанское терпѣніе и особую ревность ко святому храму Господь Богъ не оставлялъ его Своею помощію въ самые тяжелые моменты жизни, т. е. когда настала пора воспитывать дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ.

Казалось, что, только одного сына можно еще воспитать въ учебномъ заведеніи и то съ великимъ трудомъ, такъ какъ матеріальной поддержки ожидать было неоткуда. Господь судилъ иначе. Старшій сынъ сталъ прекрасно учиться, а за нимъ и младшія дѣти не отставали. За свои успѣхи въ наукахъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты на казенное и полуказенное содержаніе.

Въ настоящее время 5 сыновей и двѣ дочери Р. М. честно и усердно служатъ своей Родинѣ и Церкви Православной въ должностяхъ учительскихъ, священническихъ и офицера.

10 сентября дѣти многоуважаемаго Романа Михайловича слетѣлись съ разныхъ сторонъ въ свое родное здѣздо и не только сами, но и со своими итенцами-внуками юбилера.

Торжество началось Божественною Литургіей въ мѣстномъ храмѣ, гдѣ собрались всѣ родственники и знакомые, участвовавшіе въ пѣніи Литургіи.

молебна о здоровіи юбилера и панихиды за упокой супруги его, а также и многіе прихожане во главѣ со старостою церкви. Къ сожалѣнію мѣстный настоятель церкви былъ въ отсутствіи за выѣздомъ въ Одессу по своимъ дѣламъ.

Пишущимъ сіи строки было сказано привѣтственное слово юбиляру, ревностно послужившему вѣрою и правдою Богу, Царю и Отечеству полвѣка въ назиданіе своему потомству и мѣстнымъ прихожанамъ, собравшему своею любовью подъ свое старое, но еще сильное, крѣпкое чистыхъ и добрыхъ птенцовъ (дѣтей и внуковъ)—дѣятелей на нивѣ народной въ нашей Холмщинѣ.

Послѣ Богослуженія всѣ присутствующіе въ церкви участвовали на скромной трапезѣ въ старенькой квартирѣ юбилера, гдѣ такъ чувствовалось тепло, уютно и радостно.

Дай Богъ юбиляру еще многіе годы служить примѣромъ христіанскаго терпѣнія и ревности къ Божіей славы, а его роднымъ быть достойными преемниками по энергіи и силѣ вѣры во время прохожденія своихъ обязанностей на пользу родины и Церкви.

Священникъ *Іоаннъ Рожанскій.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я .

Ю. Колемины. Римскій духовный цезаризмъ передъ лицомъ соборной православной Церкви. С.-Петербургъ 1913. Изданіе И. Л. Тузова. Стр. 330 8^о Цѣна 1 р.

Августинскій монахъ Авреліо Пальміери, знающій русскій языкъ и бывшій нѣсколько разъ въ Россіи, специализировался въ области литературной борьбы съ православіемъ. Лѣтъ десять тому назадъ, съ благословенія еще покойнаго папы, онъ началъ обширный трудъ, первый томъ котораго вышелъ въ 1911 году на латинскомъ языкѣ во Флоренціи. Въ этомъ изслѣдованіи борьба съ православіемъ поставлена на почву колоссальной католической учености. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ соответствующихъ кругахъ работа Пальміери будетъ признана классической, и изъ этого источника, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, латинскіе богословы будутъ черпать аргументы для полемикъ съ нами. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы книга Пальміери была подвергнута детальному анализу православной критики. Именно эту задачу и взвалилъ на свои плечи г. Колемина.

Со стороны виднѣй — учить насъ житейская логика. По основному тезису г. Колемина она совершенно не приложима къ православію, къ истинной Христовой Церкви, которую нельзя разсматривать «съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было

системъ». Всѣ попытки въ такомъ родѣ абсолютно невыполнимы. Иновѣрецъ и рационалистъ не могутъ понять православія и судить о немъ. Вы насъ не понимаете, говоритъ православный авторъ Пальміери. «Ибо въ тотъ самый мигъ, въ который вы могли бы насъ понять, вы душою уже принадлежите не папству, а Церкви... Вотъ именно та причина, по которой вы о Церкви вѣдать ничего не можете». (Стр. 260—1). Охладивъ такимъ образомъ чрезмѣрныя претензіи Пальміери, авторъ приступаетъ къ подробному анализу его труда. Католическая работа служить г. Колемину канвой, по которой онъ, ни на шагъ не отходя отъ изложенія Пальміери, обличаетъ католицизмъ. Православный авторъ наноситъ ему мѣткіе и безпощадные удары, обнаруживая несомнѣнный діалектическій талантъ. Но книга г. Колемина не только продумана: она глубоко прочувствована и, если можно такъ выразиться, сыграна на туго натянутыхъ струнахъ.

Въ исторической и догматической аргументаціи автора освѣдомленные читатели найдутъ много знакомыхъ мотивовъ. Самъ г. Колеминъ отлично сознаетъ это и объясняетъ, что онъ и не претендовалъ въ своемъ трудѣ «на какую бы то ни было самолюбивую оригинальность». «Мы, говоритъ авторъ, преслѣдуемъ только одну единственную цѣль: возможно полное обличеніе римскаго раскола не отъ нашего имени, а отъ имени Церкви, т. е. дружными усиліями всѣхъ». «Для себя мы претендуемъ лишь на автора всѣхъ ошибокъ, всякихъ неточностей и всякаго заблужденіе, вкравшихся сюда по нашему личному несовершенству» (Стр. 11).

Подробно останавливаясь на всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ въ спеціальному изслѣдованіи Пальміери, г. Колемину и самому пришлось погрузиться въ спеціальныя сферы историческаго и догматическаго богословія. Читатели, хотя бы совершенно чуждые этимъ вопросамъ, но не страшящіеся серьезнаго чтенія, почерпнутъ тутъ много новаго и интереснаго. Интеллигенціи, начавшей интересоваться богословскими проблемами, но имѣющей малыя и смутныя познанія въ этой области, особенно слѣдуетъ рекомендовать разбираемую книгу, вводящую *in medias res* богословія. Но надо предупредить избалованныхъ хорошимъ литературнымъ стилемъ читателей, что они наткнутся въ ней на непривычную вѣшнюю структуру: грамматика книги правильна, но слогъ изслѣдованія какой-то не русскій, явно выработанный подъ влияніемъ западной литературы.

Важнѣйшей частью книги г. Колемина оказываются страницы, гдѣ авторъ, поднявшись надъ мелочами, выясняетъ сокровеннѣйшую сущность православія и католицизма. «Церковь Христова есть пресуществленіе матеріи въ духъ. Папство есть пресуществленіе духа въ матерію. Церковь Христова есть любовь и милость. Папство есть право и власть» (Стр. 210). Таковы нѣкоторыя изъ основныхъ противоположностей обѣихъ Церквей, выведенныя нашимъ авторомъ. Истинное христіанство матеріализовано теперь въ русскомъ народѣ, прямою наслѣдникъ Царьграда. Въ русскихъ рукахъ залогъ «всего будущаго счастья человѣчества» и ключи «того храма который нѣкогда объединитъ въ благодатномъ согласіи всѣхъ свободныхъ послѣдователей Христа» (Стр. 306). И эта провиденціальная миссія, выпавшая на долю

русской Церкви, обязываетъ относиться къ ней особенно бережно.

Къ сожалѣнію, въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности освѣтить все богатое содержаніе книги г. Колемина, обстоятельно выясняющаго многія изъ острѣйшихъ богословскихъ вопросовъ. Укажемъ, напримѣръ, на полный догматическій и историческій анализъ спора о filioque. Специальная богословская литература обихъ Церквей конечно, съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ рассмотрѣнной книгѣ¹⁾.

—овъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Великій міровой обманъ.

Раскрытію этого мірового обмана и въ то-же время затрагивающая одинъ изъ самыхъ больныхъ современныхъ вопросовъ въ минувшемъ году посвящена глубоко-интересная лекція В. П. Быкова. Она собрала обширную аудиторію, такъ что большой залъ об-ва религіозно-нравств. просвѣщенія едва могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Собраніе „Содружества учащейся молодежи“ посѣтили: членъ Св. Синода и Гос. Совѣта архіепископъ Никонъ, епископы Никандръ нарвскій и Антонинъ. Присутствовало много столичнаго духовенства, масса учащейся молодежи, много педагоговъ и представителей разныхъ слоевъ общества.

Великій міровой обманъ—это: ложь спиритизма. Здѣсь истина „перемѣшена“ съ ложью. По свидѣльству св. Іоанна Златоуста, діаволь настолько коваренъ и хитеръ въ обольщеніи людей, что великую истину Божія водительства человѣка (Промысль Божій) смѣшалъ съ обманомъ. Всѣ „откровенія“ въ спиритизмѣ начинаются съ явленія святыхъ,—повелѣніями отъ ихъ имени... Авторъ доклада въ началѣ своей прежней дѣятельности подобными побужденіями къ ревностному исполненію религіозныхъ началъ былъ доведенъ до того, что—еженедѣльно приобщался св. Христовыхъ Таинъ. А потомъ...—все „пошло прахомъ“...

¹⁾ Пастырямъ нашей Холмщины это изданіе было-бы также многополезно.

Ни одинъ медиумъ не кончаетъ жизнь свою благополучно... Докладчику извѣстно болѣе 600 такихъ трагедій.

Спиритизмъ есть одно изъ могущественныхъ и тайныхъ орудій масонства, которое, какъ извѣстно, стремится къ разрушенію всего святаго, которое есть служеніе діаволу...

Докладчикъ раскрылъ многія тайны спиритизма и оккультизма. 90 проц. въ нихъ суть не что иное, какъ обманъ хитрыхъ и ловкихъ медиумовъ, а въ остальныхъ случаяхъ—проявленіе особой, внутренней силы, которая сокрыта въ каждомъ человѣкѣ, но несомнѣнно то, что чрезъ эти явленія дѣйствуетъ діаволь.

Всѣ гаданья, гипнотизмъ, спиритизмъ...—все это есть желаніе узнать тайное, скрытое отъ насъ, узнать будущее. Господь же еще въ Ветхомъ Завѣтѣ сказалъ: „Сокрытое принадлежитъ Господу, Богу нашему, а открытое намъ“ (Втор. XXIX, 29),—и болѣе 80-ти мѣстъ Свящ. Писанія запрещаютъ заниматься „сими тайнами“. Наше стремленіе узнать это сокрытое отъ насъ—есть самое ужасное воровство, мы хотимъ похитить принадлежащее Богу!

Во всѣхъ и чрезъ всѣ эти тайныя науки проходитъ одно желаніе, одно стремленіе: „вы будете, какъ боги“... Вотъ подкладка спиритизма. Тамъ діаволь прельщаетъ, и люди глубоко впадаютъ въ эту прелесть. Тамъ мракъ царитъ, тамъ сила духа тьмы...

—Берегите дѣтей,—заканчиваетъ докладчикъ призывомъ отъ всей души своей,—особенно берегите вашихъ дѣтей! Именемъ Бога Живаго прошу всѣхъ и каждаго совѣмъ не заниматься этими тайными науками.

В. Н. П.

Умиращіе.

Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (№ 18 за 1913 г.) помѣшена небезынтересная статья, особенно для священниковъ, подъ заглавіемъ „Психи-

ческое состояніе умирающихъ, по новѣйшимъ наблюденіемъ психо-физиологовъ“. Психическое состояніе умирающихъ, заявляетъ авторъ статьи А. Бабаковъ, есть состояніе не ослабленія всѣхъ силъ и способностей души, а наоборотъ, расцвѣта ихъ. Особенно этотъ расцвѣтъ душевной дѣятельности у умирающихъ наблюдается въ сферѣ интеллектуальной. По наблюденіямъ докторовъ-психіатровъ даже у многихъ сумасшедшихъ передъ смертью наступаетъ полное просвѣтлѣніе. Статистическія наблюденія Турмана показываютъ, что это просвѣтлѣніе бываетъ почти у четвертой части сумасшедшихъ. Еще болѣе поражаетъ фактъ усиленія памяти у умирающихъ. Съ необыкновенною живостью и отчетливостью умирающіе припоминаютъ всю свою прошлую жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ, часто до мелочей, и при этомъ болѣею частью даютъ своимъ поступкамъ оцѣнку съ нравственной точки зрѣнія. Докторъ Штейнбекъ сообщаетъ, что одинъ призванный къ постели умирающаго крестьянина сельскій священникъ слышалъ, какъ этотъ крестьянинъ молился по-еврейски и по—гречески; пришедши въ себя, больной рассказалъ, что будучи мальчикомъ, часто слышалъ богомоленіе на греческомъ и еврейскомъ языкахъ, хотя и ни разу не любопытствовалъ узнать смыслъ имъ слышаннаго. Умирающіе обнаруживаютъ способности зрѣнія и дѣйствія на разстояніи, предсказываютъ теченіе своей болѣзни и даже (иногда) наступленіе своей смерти. Эмоціональная сторона психики (сердечная) умирающихъ выражается въ смѣшанныхъ чувствованіяхъ. Умирающій то переживаетъ болѣе или менѣе продолжительное состояніе томленія и муки, подобной скорбямъ родильницы; то чувство какого-то пріятнаго облегченія и неизяснимой радости,—до слезъ, до ощущенія блаженства.. Въ самый моментъ умирающаго переживается чувство радости, что подтверждается наукой и самими умирающими*). А. Келлеръ вспоминаетъ въ своей книгѣ случай изъ его молодости, когда онъ тонулъ въ рѣкѣ. Когда онъ уже не въ силахъ былъ бороться съ водоворотомъ, „нѣчто въ родѣ довольно неопредѣленной, но скорѣе пріятной усталости сдѣлало неподвижными всѣ мои члены. Мнѣ показалось, что я поднимаюсь вверхъ по бѣлой дорогѣ, вьющейся вдоль отвѣсной горы. Солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ тонкій; я едва касался земли, причемъ былъ одѣтъ въ платье, и я пѣлъ какую то неясную пѣсню молодости. Затѣмъ ничего болѣе. Я былъ выброшенъ изъ воды и пришелъ въ себя лишь

*) Однако не всѣми, а лишь—умирающими со спокойной совѣстью, какъ говоритъ и авторъ (см. ниже). Ред.

на берегу". Что касается волевой способности, то у умирающих от продолжительной болѣзни эта область обычно ослабляется, такъ что они бывають неспособны къ самому непродолжительному усилію. Наоборотъ, при насильственной или внезапной смерти случается совсѣмъ иное: воля умирающаго достигаетъ высшаго напряженія, дѣлаетъ самыя энергическія усилія для борьбы со смертью. Указанный подъемъ душевной жизни ученые объясняютъ физиологическими причинами: чрезмѣрной возбудимостью мозга и всей нервной системы предъ смертью и т. п. Самъ авторъ статьи, Бабаковъ, считаетъ однако недостаточными эти объясненія и главную причину подъема душевной жизни указываетъ въ томъ, что съ приближеніемъ смерти ослабляется вліяніе на душу тѣла, раньше порабоцавшаго ее. „Отрѣшаясь отъ болѣзненного тѣла, умирающій съ радостью встрѣчаетъ первые моменты будущей загробной жизни, если его душа во время земной жизни не была порабоцена грубыми страстями и пороками земной жизни, и если умирающій до конца своей жизни сохранилъ христіанскія непостыдныя упованія“. (С. Е. В.).

Страничка изъ психологіи поминовенія усопшихъ

Часто задаю себѣ вопросъ: имѣеть-ли смыслъ чтеніе „Ивана, Маріи, Даріи, Θεодора, Петра...“ по поминаньямъ, особенно въ Великомъ посту и въ родительскія субботы и недостаточно ли общаго поминовенія „праотцевъ, отцевъ и братій? (вѣдь Богъ все знаетъ и имена!).

Рѣшаю вопросъ въ безусловно положительномъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Приходъ есть „малая Церковь“, состоящая изъ „Ивановъ, Марій и т. д.“ живыхъ (настоящее), усопшихъ (прошедшее) и тѣхъ, которые имѣють прийти къ этой Церкви чрезъ рожденіе или переходъ отъ другихъ исповѣданій (будущее).

2. Всѣ члены Церкви (прихода, а также Церкви въ широкомъ смыслѣ слова) связаны между собою „союзомъ любви“.

3. Любовь между членами Церкви и самое сознаніе принадлежности къ Церкви имѣють свои степени въ количественномъ отношеніи. Такъ напр., любовь и принадлежность къ Церкви вселенской ощущаются меньше, чѣмъ къ „малой Церкви“ т. е. приходу. Любовь-же и принадлежность къ этой послѣдней Церкви (приходу) въ такой-же степени ощущаются меньше въ сравненіи съ еще меньшей Церковью, т. е. семьей. За весьма рѣдкими исклю-

ченіями всегда такъ бываетъ, т. е. человѣкъ сознаетъ себя сначала членомъ семьи и ей отдаетъ свою первую и самую сильную любовь, а затѣмъ онъ уже опредѣляетъ себя, какъ члена извѣстнаго Общества, какъ члена Государства, какъ члена человѣчества, а въ религіозномъ смыслѣ, какъ члена Церкви.

4. Любовь и связь Церкви живыхъ съ Церковью усопшихъ сильнѣе всего выражается въ молитвѣ и милостынѣ.

5. Священникъ въ молитвѣ является представителемъ: а) всего прихода (малой Церкви) и б) каждого его члена въ отдѣльности.

6. Когда священникъ молится объ упокоеніи „праотцевъ, отцевъ и братій“..., онъ выполняетъ свои функции, какъ представитель всего прихода... Но, повторяю, каждый изъ насъ сильнѣе чувствуетъ свою связь съ семьей, съ своими близкими, родными... Въ то время, какъ Церковь въ моемъ сознаніи является, какъ нѣчто отвлеченное, возвышенное, умопостигаемое, — связь моя съ родными (съ моей дорогой дочуркой Олечкой, милой мамой, добрымъ другомъ и т. д.) ощущается, какъ нѣчто реальное. Я желаю добра и спасенія всѣмъ усопшимъ братьямъ по вѣрѣ, но меня особенно беспокоитъ судьба моихъ знаемыхъ, кровныхъ, именно тѣхъ, которые значатся въ помянникѣ...

7. Вотъ тутъ-то вѣрующій, сознавая свои немощи, и прибѣгаетъ къ священнику за помощью къ молитвѣ за близкихъ — усопшихъ.

8. Въ заключеніе не могу не высказать, что молитва за усопшихъ по поминанію есть, по моему, *несомнѣнный* фундаментъ нашей молитвы за усопшихъ вообще, ибо, молясь за близкихъ своихъ, упражняясь въ любви къ нимъ, мы проникаемся любовью и ко всѣмъ усопшимъ братьямъ нашимъ по вѣрѣ. Безъ молитвы за близкихъ усопшихъ, молитва за усопшихъ вообще *психологически* не мыслима. Кажется, здѣсь уместно привести слова Іоанна Богослова, конечно, въ переносномъ смыслѣ: „не любящій брата своего, котораго видитъ (знаетъ), какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ“ (или усопшаго брата, котораго не знаетъ)? 1. Іо. 4, 20.

Священникъ *Іоаннъ Руссуль*.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

11 января. Высокопреосвященный Евлогій, Архіепископъ Холмскій и Люблинскій, совершилъ въ кафедральномъ соборѣ молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери.

12 января. Высокопреосвященный совершилъ въ кафедральномъ соборѣ Божественную Литургію, молебенъ Божіей Матери и рукоположилъ во діакона псаломщика Топольской церкви Андрея Войчука.

16 января. Высокопреосвященный совершилъ въ канцеляріи Холмскаго губернскаго Акцизнаго Управленія освященіе воды и освятилъ канцелярію.

При семъ № прилагается „Холмскій Народный Листокъ“ № 2-й“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Царство Божіе внутри насъ. Наука и смиреніе. Дѣло пастыря—дѣло Христа. Религіозныя основы русской культуры. Въ единеніи—сила. О церковно-приходскомъ строительствѣ. Почтенный юбилей. Библиографія. Разныя извѣстія. Епархіальная хроника.

Дозволено Цензурой.

Редакторъ *Архимандритъ Варлаамъ.*

Холмъ, Типографія Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства.